

ра Алексѣевича. Это не дастъ большой работы вниманію читателей, — а между тѣмъ посреди нихъ, вѣроятно, найдутся такіе, которымъ эти выписанныя нами мѣста покажутся какъ будто новыми, въ первый разъ прочитанными, и это обстоятельство, можетъ быть, заставить ихъ вновь перечестъ всю повѣсть и сознаться себѣ, что они только при этомъ второмъ чтеніи поняли ее... Такия произведенія, какъ «Вѣдныя Люди», никому не даются съ перваго раза: они требуютъ не только чтенія, но и изученія.

„Пишу къ вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все вокругъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что я рассказываю-то вамъ теперь! Вотъ мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ: я все это предчувствовалъ. Все это заранѣ слышалось моему сердцу! Я даже напередъ во снѣ что-то видѣлъ подобное.

„Вотъ что случилось. — Расскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положить. Пошелъ я сегодня въ должностъ. Пришелъ, сажу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ вчера подходилъ ко мнѣ Тимофей Ивановичъ и лично изволить показывать, что—вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Переписшите, говоритъ, Макарь Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательнѣе; сегодня къ подписанію идетъ. —Замѣять вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя ясочка. Ну, вотъ, я и принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю какъ вамъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться—только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ Господь его знаетъ какой, просто никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣнить, родная, что я съ недавняго времени стать вдвое болѣе прежняго совѣстителю и въ стыдъ приходилъ. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ закрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ и сегодня, принявъ, примирѣлъ, ежомъ сажу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: Что, дескать, вы, Макарь Алексѣевичъ, сидите сегодня такимъ у-у-у! да тутъ такую гримасу скорчилъ, что все, кто около него и меня ни были, такъ и покатались со смѣху, и ужъ, разумеется, на мой счетъ! И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ, и глаза зажмурилъ, сажу себѣ, не шевелюсь. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣе отстаютъ. И такъ я уткнулся носомъ въ бумагу и пишу перомъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу—не обманываются ли уши мои? Зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужъ самъ не знаю, чего я испугался; только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни

со мной не было. Я приросъ къ стулу,—и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но вотъ, опять начали; ближе и ближе. Вотъ ужъ надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза: передо мной Евстафій Ивановичъ; говоритъ: Макарь Алексѣевичъ! къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали. Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужъ просто ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ—предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него все они. Я, кажется, не поклонился; позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся, и ноги трясутся. Да и было отъ чего, маточка. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ направо въ зеркало, такъ просто было, отъ чего съ ума сойти отъ того, что я тамъ увидѣлъ. А во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ что едва ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ быть, слышали, такъ мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

„Начали гнѣвно: какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это,—тутъ его превосходительство обратился къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—нерадѣнье! неосмотрительность! Вводите въ неприязности! — Я раскрылъ, было, ротъ для чего-то. Хотѣлъ, было, прощенья просить, да не могъ, убѣжать—покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда.—Моя пуговка—ну ее къ бѣсу—пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ—вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я, видно, задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатила и прямо, такъ-таки прямо, прокатывая, къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ, я бросился ловить пуговку, нашла на меня дурь, нагнулся, хочу взять пуговку, какъ-то, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряно! Вся репутация потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ухахъ ни съ того, ни съ сего и Тереза, и Фальдонъ, и пошло перезванивать. Наконецъ, поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же. Началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно оттого она и пристанетъ; да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули — слышу говорить Евстафію Ивановичу: какъ же?... посмотрите, въ какомъ онъ видѣ?... какъ онъ!... что онъ!... Ахъ, родная моя, что ужъ тутъ—какъ онъ? Да что онъ? отличился, въ полномъ смыслѣ слова отличился. Слышу, Евстафій Ивановичъ говорить—не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ,